

УДК 398.332.24(=554)

П.Е. ПРОКОПЬЕВА

О ЛЕТНЕМ ПРАЗДНИКЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера,
г. Якутск
e-mail: pproe@yandex.ru

В статье дается характеристика летнего, связанного с соляным культом, праздника лесных юкагиров. Анализ этнографических материалов позволяет считать его главным праздником традиционного календаря, ориентированного на обеспечение благополучия в новом хозяйственном году. Прослеживаются основные тенденции в трансформации и возрождении праздника.

Ключевые слова: лесные юкагиры, традиционный календарь, летний праздник.

Традиционный календарь лесных юкагиров-одулов – этноязыковой группы юкагиров Верхней Колымы – включал шесть времен года. Исследователь юкагирской культуры конца XIX – начала XX в. В.И. Иохельсон сообщал, что юкагиры едва ли соотносили их с какими-либо конкретными числами и что, будучи крещеными, датируют их уже по греко-православным праздникам: лето *пуэ* длилось от дня святой Акулины (13 июня) до дня Марии (8 сентября.), осень *надэ* – с 8 сентября до дня святого Михаила (8 ноября), зима *чидэ* продолжалась с 8 ноября до Очищения (2 февраля), первая весна *порэ* исчислялась от Очищения до дня святого Егория (23 апреля), вторая весна *шиллэ* или *шинлэ* – с 23 апреля до начала таяния снега, обычно до дня святого Николая (9 мая), третью весну *шоңдылэ* отсчитывали от таяния снега до дня святой Акулины [1, с. 86]. В юкагирских названиях двенадцати месяцев отразились природные особенности конкретного периода года и специфика хозяйственной деятельности, соответствующей ему. Так, май называли *полдичэ кинидьэ*, т.е. ‘месяц листвы’, август – *йуку-кучийэ кинидьэ* ‘месяц мошки’, сентябрь – *анид кинидьэ* ‘месяц рыбы’ (время ловли рыбы на зиму), октябрь – *ончиэн кинидьэ* ‘месяц самцов диких оленей’ (время охоты на диких оленей) [1, с. 84–85].

В прошлом у лесных юкагиров существовали такие календарные праздники, как осенний праздник рыбной ловли, весенняя отправка на промысел лося, летние сборы [2, с. 265, с. 267–268; 3, с. 41–43; 1, с. 187–188, 4, с. 153–154]. Если осеннее и весеннее праздничные мероприятия у одулов всецело связывались с определенными видами традиционного хозяйствования, то их летний праздник, на первый взгляд, носил разнонаправленный характер и решал различные задачи. Данная статья ставит своей целью проанализировать содержание этого праздника по этнографическим материалам и прояснить основную его идею.

Летнее собрание являлось общим для всех юкагирских родов, проживавших на разных притоках

р. Колымы. Время проведения этих сборов, согласно данным этнографов, варьировалось от начала [3, с. 41] до конца июня [2, с. 265]. Продолжительность праздника могла достигать месяца.

Местность, где устраивалось собрание, называлась *шахадьиибэ*, что в переводе с юкагирского означает «место для сборов». В конце XIX – начале XX в. *шахадьиибэ* было избрано место Прорва, которое находится недалеко от с. Верхнеколымск (в более отдаленные времена, по-видимому, существовали и другие такие площадки). У В.И. Иохельсона находим: «На Колыме, в известных местах... съезжался в конце июня первобытный юкагирский флот из многочисленных мино¹ и веток» [2, с. 265] и «Ясачненские юкагиры показывали мне одно из этих мест южнее устья Ясачной»² [1, с. 187].

Июнь оптимально подходил для проведения общеплеменного сбора, поскольку, во-первых, летняя пора сама по себе благоприятствовала встрече рассредоточенных по Колыме родов; во-вторых, это был период, свободный от трудовых забот, когда сезон охоты уже миновал, а время массовой рыбной ловли еще не наступило. Путь на *шахадьиибэ* был долгим – часто дорога туда и обратно занимала два-три месяца. Всеобщее собрание являлось значимым событием в жизни юкагиров.

В.И. Иохельсон писал: «На шахадзибэ этот удивительно жизнерадостный полярный народ проводил время в пении, плясках, играх и состязаниях. Шаманы производили камлания, приносили жертвы духам, хангичэ³ рассказывали о промысле, воины о военных подвигах, а молодежь обоего пола не пропускала случая пользоваться молодостью» [2, с. 265]. Здесь узнавали о делах каждого рода, совместно обсуждали различные важные вопросы и принимали решения по ним, совершали товарный обмен. О том, какое большое

¹ *Мино* – треугольный плот (П. П.).

² *Ясачная* – река, приток Колымы (П. П.).

³ *Хангичэ* – первый охотник (П. П.).

значение имели сборы для юкагиров, свидетельствует тот факт, что они прибывали на *шахадьшибэ* «с песнями и многочисленными салютами из кремневых ружей» [Там же, с. 267], встречали друг друга радостными криками и объятьями [3, с. 41].

Праздник, приуроченный к лету, не только удачно совпадал со свободным от промысла временем, он был ориентирован на солярный цикл. В религиозных воззрениях юкагиров Солнце почиталось как высшее божество. В.И. Иохельсон указывал, что оно «считается благодетельным существом, защитником угнетенных, охранителем справедливости и нравственности» [1, с. 207]. Женское украшение круглой формы, символизирующее Солнце, способно было остановить гигантского людоеда *Чуульдьши Пулута* и уничтожить его.

Одно из обращений юкагиров к Солнцу гласило: «Пугуд-эмэй, тэт пугодьэлэ мигул пугэлбик, эндэбон тэт пугодьэлэ митин кэйк! Шайар-ландэт кичэч эрчэбон йэдугудэ йотник. – Солнце-мать, твоим теплом нас согрей, питание твоим теплом нам дай! Откуда бы то ни было приходящее зло в другую сторону направь» [4, с. 151].

В юкагирском фольклоре Солнце «сердится» и «темнеет», если происходит кровосмешение и смертоубийство среди юкагиров, особенно тогда, когда проливается много крови в войнах. Юкагирский ученый Н.И. Спиридонов подчеркивал, что «национальные празднества в начале лета есть действие, при помощи которого показывается главному покровителю – солнцу мир, любовь и согласие...» [3, с. 43]. Не случайно место проведения праздника объявлялось мирной территорией, лишенной всяких столкновений и конфликтов.

Календарная привязка летнего собрания юкагиров играет ключевую роль для понимания его сути и значения. Летний месяц, примерно соответствующий июлю, открывал начало года [1, с. 84]. Летние сборы, организуемые приблизительно во время солнцестояния и совпадающие с переходным периодом в трудовом цикле, очевидно, нужно расценивать как встречу нового года, и именно в этом контексте следует рассматривать весь комплекс традиций, обрядов и обычаев, связанный с ними.

Н.И. Спиридонов сообщал: «Первым пунктом собрания является деловая часть, где все большаки родов сообщают коротко и ясно о всех делах, начиная с прошлого года, удачах и неудачах, счастья и несчастья. Весь народ, сам по себе, под предводительством старейшин, выслушивает и, наконец, выносит то или иное решение. Чаще всего по вопросам вражды выносятся решения мира и помощи друг другу и дают понять, что тот или иной род действовал неправильно или сделал нарушение традиций и законов и тем самым опозорил себя и весь народ» [3, с. 42].

Стремление участников сборов подвести итоги года с момента разлуки вполне согласуется с высказанной мыслью о том, что собрание, по всей видимости, связывалось с началом нового годового круга. Осмысление результатов и решение старых проблем издревле являются одними из условий успешного вхождения в новый жизненный цикл.

Важный компонент общеплеменного съезда составляли игры и соревнования, не случайно у сборов

существовало другое название – *лододьал* «место для игр». В.И. Иохельсон, описывая собрание юкагиров, сравнивал их со сборищами древних славян, известными под названием «игрищ между сел» [2, с. 265]. По словам исследователя, на *шахадьшибэ* в одних играх принимали участие только воины, другие были доступны всем, но в них заметным было разделение мужчин и женщин, подобно враждующим стойбищам [1, с. 187]. На празднике организовывали соревнования по бегу, стрельбе из лука, рубке леса, поднятию тяжестей, устраивались гонки на лодках и т. п. [3, с. 42].

Известно, что юкагиры большое внимание уделяли физической подготовке. «Занятиями мужчин были война и охота», – сообщал В.И. Иохельсон [5, с. 288]. Лучший из воинов *тэнбэйэ шоромо* («сильный человек») и первый охотник *хаңичэ* («преследователь») занимали почетные места в родовой иерархии юкагиров после старейшины *лигэйэ шоромо* и шамана *алмы*. Молодым людям полагалось пройти суровую военную школу – *кичил* «учение», чтобы защищать род от врагов и самим нападать на вражеские стойбища. «Юкагирские «сильные мужчины», – читаем у В.И. Иохельсона, – славилась своей храбростью, силой и проворством по всей Северо-Восточной Сибири» [1, с. 180]. Не удивительно, что на таком большом празднике в лице воинов демонстрировались мощь и сила народа, готовность к преодолению препятствий и отражению нашествия неприятеля. Манифестацией доблести и бесстрашия сородичей служили на *шахадьшибэ* и рассказы о военных подвигах.

В развлекательную часть праздничной программы сборов, помимо всевозможных конкурсов и игр, входили танцы. Несомненно, развлекательная функция всех этих элементов является приобретением позднего времени, а в своей основе они восходят к древнейшим ритуалам и обрядам, преследующим различные цели.

У юкагиров популярным являлся круговой танец. В.И. Иохельсон писал:

«Танцующие мужчины и женщины образуют круг, держась за руки, и начинают медленно двигаться справа налево по ходу движения солнца. <...> Движения, сначала медленные, становятся все быстрее и быстрее, танцоры все более возбуждаются. Круг вертится все с большей скоростью. Постепенно все присутствующие попадают под воздействие танца. Старики и старухи вступают в круг, дети и немощные люди начинают притопывать на месте, подражая танцующим. По праздникам юкагиры кружатся в хороводе весь день до изнеможения и даже до состояния, напоминающего опьянение. Некоторые покидают круг для отдыха, разрывая цепь танцоров, и, восстановив силы, вновь присоединяются к танцу, замыкая круг» [1, с. 191–192].

Как отмечалось выше, за внешней стороной этого веселья скрывалось ритуально-обрядовое поведение. В работе Н.И. Спиридонова [3] содержится информация о том, что на осеннем празднике, связанном с рыбной ловлей, сохранялись «пляски и пение – знак радости и благодарности духам воды и рыбы» [3, с. 43]. В нашем архиве имеется рассказ Е.Н. Дьячковой (1914 г. р.), также подтверждающий сказанное:

Утром Егор Иванович, Григорий Иванович лося убили. Убив, на ветке много мяса привезли. Мы

(дети. – П. П.) очень радовались, прыгали-прыгали, в ладоши хлопали, от того что будем кушать. Мы радовались только тому, что поедим. Дедушка танцует... «Дедушка, ты почему прыгаешь?» «Радуюсь, обязательно надо так радоваться, прыгать» [6, с. 153].

Совершенно очевидно, что танцы не только предназначались для выражения положительных эмоций, но и являлись своего рода магическим действием, обеспечивающим и закрепляющим успешные результаты коллективного труда.

На летнем празднике юкагиров за соблюдением обрядов следил шаман. Как явствует из юкагирского фольклора, *алма* активно участвовал во всех жизненно важных сферах общества. Он выполнял функции охранителя рода, выступал в качестве посредника между людьми и божествами, духами, умершими сородичами, занимался лечебной практикой. Проследим содержание одного из воззваний шамана к благодетельным божествам; обращаясь к Небу, он произносит: «Кудьуд-эчиэ, пугомукь, ньанбумукь, тэт уорпэ нумдугикь, пугомукь, ньаньбумук. – Небо-отец, тепло дай, согрей, своих детей пожалей, тепло дай, согрей» [1, с. 301–302]. Из материалов В.И. Иохельсона следует, что на летних сборах шаманы привлекались не только как жрецы, между ними также устраивались соревнования для испытания могущества их духов-защитников [1, с. 188].

Шаманские камлания органично присутствовали на праздниках и у других народов Севера.

Лопарские шаманы, в прошлом могущественные и игравшие видную роль в жизни лопарей, принимали самое деятельное участие во всех праздниках, в том числе в проведении Иванова дня. Шаманы священнодействовали при совершении обряда жертвоприношений, были ходатаями в подземном царстве за больного, могли предсказывать будущее, узнавать, что происходит в отдаленных краях, лечить болезни и т. д. [7, с. 122].

Как известно, Иванов день – день летнего солнцестояния – являлся одним из центральных календарных праздников у народов Европы. Сближают летнее празднество юкагиров с этим посвященным солнечному культу европейским праздником такие эпизоды, как игры, танцы, развлечения, совместное пиршество. Интересно сравнить и следующие явления. Ритуальные костры на Иванов день традиционно жгли на возвышенностях. «Преимущественное расположение костров на высотах (холм, гора) позволяет думать о связи ритуального огня с древним культом солнца» [8, с. 283].

У юкагиров для проведения праздника, видимо, тоже предпочтительным было высокое место. В.И. Иохельсон упоминал об одном таком месте: «Оно расположено на высоком берегу Колымы и сейчас называется Шаманский камень. На вершине этого “камень”⁴ имеется большое ровное пространство» [1, с. 187]. Нам рассказывали, что Прорва – место, где собирались юкагиры позже, называется *Ульэгэ чорхо* – Санный

бугорок⁵. Можно предположить, что выбор высокой площадки у юкагиров, на которой обязательно разжигались костры, в том числе для отправления обрядов, также обусловлен солярным культом.

Важным для летних праздников являлся и брачный мотив. В Иванов день совершались обряды, направленные на благополучие семьи, проводились гадания девушек о замужестве. Юкагирский праздник, символизирующий начало нового хозяйственного цикла, также проникнут идеей личного счастья. В эти праздничные дни молодые люди заводили знакомства, создавались пары.

Сборы служили местом не только для возникновения новых семейных уз, но и дружбы между членами разных родов. В.И. Иохельсон сообщал:

В знак рождения новой дружбы юкагиры обмениваются подарками. Друзья обязуются помогать друг другу при материальных затруднениях и в сражениях с врагами. Говорят: «*мит ахимэйэили*», что означает: «У нас тесная дружба». <...> Женщины и девушки также объединяются в союзы друзей и обмениваются подарками» [1, с. 188].

Всеобщий праздник юкагиров предоставлял также прекрасные возможности для обмена товаром. Так, Н.И. Спиридонов отмечал: «Цель приезда обуславливается... и чисто материальными соображениями, которые сводятся к обмену между собой шкурками, сушеным мясом, меховой одеждой, орудиями производства (ножами, топорами и т. д.), лодками, лыжами, собаками и т. д.» [3, с. 42]. Расположение *шахадьибэ* вблизи от г. Верхнеколымска делало возможным заключать также торговые сделки с якутами и русскими.

В.И. Иохельсон говорил о том, что в Верхнеколымске юкагиры вносят исправнику, который приезжает из Среднеколымска, ясак, священник исполняет требы, а якутские и русские купцы выменивают у юкагиров то, что ими было добыто зимой и весной, на чай, табак, ситец или платки. Берут также у юкагиров за бесценок, или за старые сомнительные долги, карбасы, которые юкагиры делают из белого тополя» [2, с. 267]. Н.И. Спиридонов так объяснял важность торговли для юкагиров: «Племена прибыли сюда за 1000 км; весь вопрос существования заключается в приобретении охотничьих припасов (пороха, свинца) и средств для ловли рыбы (прядева, конских хвостов, волос), не говоря о других продуктах и товарах» [3, с. 42]. В свете этих данных выбор места для сборов ближе к административному центру был вполне объясним, так как диктовался реалиями жизни народа.

При описании летнего праздника юкагиров ученые акцентировали внимание на том, что его содержание зависело от того, как люди провели год [1, с. 253; 3, с. 41]. «Но если весенний промысел лосей или оленей плох, – писал В.И. Иохельсон, – если была голодовка, то мужчины-промышленники до того ослабевали, что не бывали в силах строить судов (мино) и шахадзибэ были малолюдны» [2, с. 265].

⁴ «Камень» – буквальный перевод юкагирского слова *тис* («гора», «камень»).

⁵ Сообщила в 2000 г. А.В. Слепцова (1930 г.р.), с. Нелмное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

В суровых условиях Севера сквозь праздник, священный с почитанием солнечного божества, красной нитью проходит мысль о процветании и благоденствии народа. Летний праздник позволял собрать в одном месте все юкагирские роды, и потому, без сомнения, являлся символом единения народа. Собрание, проходившее под знаком примирения и любви, было призвано напомнить о необходимости устранения междоусобных войн в целях сохранения народа, зарядить сородичей оптимизмом и уверенностью в собственных силах перед трудными зимними месяцами.

Вот что рассказывают о забытом впоследствии летнем празднике юкагигов старожилы:

«Сюда приезжали на карбасах. Так и плывут. Колыма вся закрыта. Так много. Приезжают сюда в Верхний (Верхнеколымск. – П. П.) молиться в церковь. Так много юкагигов было. Карбасы на муку меняли, уезжали. Карбасов много делали. Меняли, уезжали, опять вверх уезжали, поднимались. Молиться ходили ведь сюда. Батюшка был. Спускались детей крестить – детей крестить надо. <...> Танцевали тут, как волна, очень много, молодежь. Как поедут, так праздник бывает, танцуют»⁶.

А по словам другого информанта, юкагиры начинают приготавливаться с апреля месяца:

«С верховьев спускаются, с Шаманихи, Поповки, Ясачной, Рассохи, со всех концов реки спускаются и начинают делать ветки, карбасы. В конце июня они спускаются, чтоб к июлю сюда приехать. Садятся на лодку, шлюпку, девчата, парни, старики, женщины, веслами начинают грести:

<i>Одулиэтэ, кимдэшиэник,</i>	Юкагиры, пожалуйста,
<i>Чамдэ уушэник,</i>	Веслами гребите,
<i>Илул Ульэгэ чорхо лаңи</i>	К милому Сенному бугорку
<i>кэбэйлэйшили.</i>	уезжаем.
<i>Окко, окко, окко обой,</i>	Жара, жара, жара стоит,
<i>Куш пугуогэн!</i>	Пусть будет жара!
<i>Хи-ху, хи-ху!</i>	<i>Хи-ху, хи-ху!</i> ⁷ .

О традициях проведения праздника у верхнеколымских юкагигов сообщается в рассказе старожилы:

В Верхнеколымске давно церковь была. Когда река вскрыется, съезжались туда. Детей крестили, которые родились зимой. Наверное, конец мая – начало июня. Наши, наверное, пушнину привозили, на топоры меняли. Якуты в Верхнем скотоводством занимались, юкагиры обменивали

на конский волос, из них плели ниточки, ими сети волосяные вязали. Из конского хвоста сети плели, из конской гривы делали веревку, на которую насаживали сеть... Был праздник, наверное, встречались. Когда потом встретятся? Танцевали, *ехор* танцевали. Наш танец называется *ехор*⁸.

Летний праздник юкагигов был утрачен, видимо, в 1930-х гг. в связи с переходом на оседлый образ жизни, когда отпала необходимость в частых встречах и товарообмене, происходило разрушение религиозно-мировоззренческих установок. Попытка воссоздания праздника была предпринята на I съезде юкагирского народа в 1992 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса [9]⁹. В настоящее время летние сборы юкагигов *шахадьибэ* ежегодно проходят в Якутске под патронатом Ассоциации юкагигов и Совета старейшин юкагирского народа Республики Саха (Якутия).

К сожалению, сегодня мало кто из юкагигов знает об истинных истоках этого древнего народного праздника. Практическая сторона праздника оказалась со временем невостребованной, но его глубинный моральный и нравственный смысл не должен быть предан забвению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск, 2005.
2. *Иохельсон В.И.* По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный быт и письма // Известия РГО. СПб., 1898. Т. 34, вып. 3.
3. *Спиридонов Н.И.* Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск, 1996.
4. *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск, 2005.
5. *Иохельсон В.И.* Народное творчество юкагигов // Север Азии в этнокультурных исследованиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона (Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск, 2008.
6. *Прокотьева П.Е.* Птицы в традиционных представлениях лесных юкагигов (по фольклорным и этнографическим материалам) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4.
7. *Морозова М.Н.* Скандинавские и финские лопари // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. М., 1978.
8. *Гроздова И.Н., Токарев С.А.* Заключение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. М., 1978.
9. *Жукова Л.Н.* Религия юкагигов. Языческий пантеон : учеб. пособие. Якутск, 1996.

⁶ Записано в 2005 г. от Е.Н. Дьячковой (1914 г. р.), пос. Зырянка Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

⁷ Записано в 2000 г. от А.В. Слепцовой (1930 г. р.), с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

⁸ Записано в 2009 г. от А.Е. Шадринной (1930 г. р.), с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

⁹ Автор этнографической реконструкции обряда «Встреча нового Солнца» Л.Н. Жукова (см. [9, с. 81–82]).